

7-ое декабря

Автор: Хайрулин Адель

Адель Рамилевич Хайруллин

7-е декабря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69134464

SelfPub; 2023

Аннотация

Дело разворачивается в деревне, где живут зажиточные люди, и лишь Степа живёт в небольшой хижине с дедушкой, где раскрывается семейный конфликт и проблема маленького человека.

Адель Хайруллин

7-е декабря

Начало ноября

Постоянные дожди и небольшое село, огражденное великими гигантскими соснами, чьи верхушки касались звёзд, освещающих это место. Казалось, что кроме этого места ничего не существует: все страны – выдумка, а экзотические животные – очередная фантазия какого-то писателя книг.

Такое представление мира было у нашего мальчика: его зовут Степа, но местные дети называют его нищим и жалким.

В деревне Степы жили только обеспеченные люди. Домов там было не много, но каждый был по своему красив. Все они были двухэтажные, с обширными дворами, где были горки, качели. А ночью зажигалась сказка: с яркими огоньками светилась крыша, забор и фонари...

Но среди этих домов и коттеджей стояла хлипкая, чёрная и местами гнилая хижина, ведь домом это было сложно назвать. И всё же это был его дом. А точнее дедушки, с которым он жил уже 3 года. Самому же мальчику было 9 лет. Ходить в школу он не мог себе позволить, так как она была в городе, который, по словам дедушки, очень-очень далеко.

Машины у них не было, а автобусной остановки тоже не было, да и если бы была, то что? Ничего. Ведь у дедушки были проблемы с ногами, он не мог долго на них ходить.

А продукты, лекарства и другие важные вещи нам возил Анатолий Петрович. Как говорил дедушка, он какой-то дальний родственник.

Но, мягко говоря, ему и дела до него не было. Лишь иногда, очень редко мог привести «Мурзилку» или немного сладостей. А внутри них всегда лежала записка: «от Тёти Люды».

Его это всегда радовало. Он не знал кто это, а когда спрашивал у Анатолия Петровича, тот всегда пожимал плечами...

3 ноября.

– М-м-м а-а, – потянулся Степа.

На весь дом разлетелся запах оладушек дедушки, а также с кухни было слышно, как шипит тесто, и как на телевизоре диктор с «РенТВ» рассказывает о погоде на будущее.

– Москва – 9°C. Пасмурно, – повторил дедушка. Он всегда повторяет то, что вскоре запишет в заметки, которые ви-

сят на холодильнике.

– Бдыщ, – грохот раздался в зале.

– Доброе утро, Степ! Ковыляй сюда, чаю хлебнем!– крикнул с кухни дедушка.

– Сейчас, бегу! – в ответ вскрикнул он, встав с пола, ногой закинул одеяло на диван и побежал к окну.

– Опять дождик, третье ноября, деда, когда солнышко выглянет? – спросил он.

– Не слышу, Степа!– откликнулся дед.

Мальчик побежал на кухню как супермен : кулак вперёд, и большая серая майка дедушки развивалась, как плащ, на маленьком мальчике.

–Дедушка, когда солнце выглянет?– переспросил мальчик.

–Ой, не знаю, садись за стол, а то чай остывает, – ответил Дед.

Степа быстро сел на табурет и оперся локтем на подокон-

ник.

– Де-ду-шка, садись быстрее, а то чай уже совсем остыл! – сказал он, разводя руками.

– Секунду, не торопись, парниша, – ответил дед, скидывая последний оладушек на тарелку, под которой лежала сшитая бабушкой прихватка с цветочным узором. Убрав старую, СССР-овску сковороду, он отправился к холодильнику, достал сгущёнку и сметану, поставил их на стол, а перед тем, как сесть, поправил растрепанные волосы Степки, оставив у него на голове вторую прихватку. Степка взял и натянул её на руку, а после представлялся известным итальянским поваром.

Популярным жестом ткнул палец в сгущенку и сказал:

– М-м-м браво, белисимо! Хотя-я-я... Деда, почему она не такая, как привозил Анатолий Петрович?

– Сгущёнка подорожала, и я решил сэкономить, да и бабушкины рецепты нашёл, вот и сделал её сам. А что? Невкусно? Тогда мне больше достанется, – ответил дедушка.

– Вкусно-вкусно, даже вкуснее, чем с магазина, – протаторил Степа.

– Вот и отлично, давай рукавицу, а то забуду убрать, и их потом Барс раздерет, – сказал Дед.

– Хорошо, – снял перчатку Стёпа и отдал её деду, а сам взял большую старую кружку обеими руками и принялся пить чай, поедая оладушки, смотря на деда. – Приятного аппетита!

– Ой, спасибо, парниша, и тебе приятного аппетита! – ответил дед.

– Спасибо. А это тебя тоже бабушка научила оладьи печь? – спросил Степа.

– Да, улым, когда-нибудь и тебя научу.

– Здорово! А какая бабушка была? – поинтересовался мальчик.

– Ох-хо-хох, она была просто замечательной, твоя бабушка – чудесная женщина: умела и шить, и готовить, и хозяйство отлично вести. Эх, ладно, ничего, заканчивай трапезу, чёт устал я, – ответил он, убрал кружку в раковину и пошёл в зал.

Выйдя из кухни, Степа взялся за уборку: убрал свою кружку-

ку, вытер крошки со стола. А поле этого решил он подураться: просунул руку в рукавицу, поставил на неё тарелку из-под оладий и понёс, виляя задом, как официантка из богатого клуба или ресторана. Неожиданно подбежала, или она там и лежала, кошка, Дремота, прям под ноги. Она всегда была странной, словно туман или дым: с дедом болтать любит, пропадать и появляться в любое время. Прям ведьмина кошка. И вот вновь она появилась из ниоткуда, прямо под ногами Степки. Он запутался в ногах, свободной рукой оперся о стол, а вторая полетела вверх.

–Дрема! Не ходи босиком! – крикнул мальчик.

Тарелка с перчаткой полетели ввысь. После чего тарелка разбилась на нескольких частей, а прихватка зацепилась за шкафчик. Дремота быстро подскочила, пыталась снять её, но разорвала нитки на шве.

–Ой-ой-ой, Деда-а-а, тут мурка! Тут тарелка! Тут всё! Иди сюда! – крикнул Степа.

Дед прибежал на кухню, словно бешеный:

–Что тут случилось?! А... Тарелку, значит, разбил. Эх, жалко, конечно, но на счастье. А ты, Дрема, что творишь?! А ну, брысь отсюда! – сказал дед, махнув рукой в сторону

Дремоты. Она растворилась под столом.

–Деда, тут ещё это, – сказал Степан и, сняв со шкафчика порванную прихватку, показал её дедушке.

–М-да, но дело поправимое. Пошли, машинку принести поможешь, – сказал дед.

Они вышли из кухни и направились в комнату дедушки. Он почти никогда не пускал туда Степу, потому что там хранились хрупкие вещи, напоминающие молодость, да и сам дед любил порядок.

В углу у него стояла печь, а наверху лежали подушки и одеяло: такое пышное, гигантское. Сбоку от печи на стене, а точнее на гвоздике, что был забит в стену, на белом ремешке висела гитара. Ей лет было немало, но она до сих пор блистала и переливалась золотым цветом, даже струны казались золотыми, хоть это вовсе не так. Спросить про гитару Степа не подумал: будет ли это уместным? Напротив печи стоял шкаф. Он был завален вещами: будь то бабушкино платье или выпускной пиджак дедушки.

Помимо внутренних вещей, ещё на самом шкафу лежала черная тужурка, а на ней были видны отблески медалей, полученные дедушкой в молодости. Сама же швейная машин-

ка стояла под его рабочим столом в деревянном ящике. Дед вручил его Стёпе и сказал:

– Неси в зал.

Стёпа молча понёс машинку, волоча её по полу и держа её за хлипкую ручку.

Дедушка же обогнал его, разложил старый, сделанный из крепкой фанеры стол-раскладушку, который стоял в зале под подоконником, и поставил на него только что принесённую внуком машинку. Он открыл ящик, и там была обрамленная золотыми узорами на фоне чёрного глянца запылившаяся машинка. Дед поставил табуреты перед столом и дернул за ручку в основании машинки, из неё выкатился ящик, полный катушек с нитками, различных иголок и других непонятных Стёпе штук.

–Этого цвета ещё не было, – сказал дедушка, взяв малиновые нитки.

Стёпа пригляделся и увидел, что на прихватке были добавлены различные узоры разноцветными нитками, несимметричные другой варежки, но идеально вписывающиеся в голубой фон вместе с розовыми бабочками. «Видимо перчатка сшивалась не один раз», – подумал мальчик.

– Вот, смотри давай, на другой потом ты будешь вышивать узор, – сказал дедушка. – Смотри, чтоб иголка проникала в ткань, нужно крутить ручку, – рассказывал он, стукнув по ручке машинки. – Легкими движениями в темпе машинки продвигаешь перчатку по направлению шва, – продолжил дед, вырисовывая различные линии на прихватке.

Стёпа внимательно слушал своего дедушку.

– Теперь давай ты, – сказал дед, посадив Степу на колени.

– Деда, давай этот цвет, – сказал мальчик и показал цвет яркой фуксии.

– Хорошо, – ответил дедушка, поставив моток ниток на место и поменяв прихватку.

Он положил руку мальчика на прихватку и тихонько, медленными движениями крутил ручку машинки, а Степа осторожно направлял её так, как ему хотелось. На варежке начали вырисовываться такие красивые узоры, словно на окне в зимнюю стужу.

– Дед, дай я сам, – попросил мальчик.

Дедушка спокойно убрал руку с ручки машинки, а Степа, наоборот, схватился за неё, вздохнул и начал вырисовывать узор. Дедушка был в шоке. В итоге мальчик не прошил себе

руку и сломал всего лишь одну иголку. Так Степа научился шить и пользоваться швейной машинкой. Это хороший навык. Он ему ещё пригодится...

7 Ноября.

Этот день достаточно особенный для Степы, ведь каждое число, кратное 7, приезжал Анатолий Петрович. Станный он был человек и был ли им вовсе. Степа каждый раз при его виде представлял, как тот снимает маску этого худого дядьки с длинной бородой и коротким носом, а также избавляется от своего облика, и там оказывается инопланетный монстр. Б-р-р... Страшно даже представить, что случилось бы, будь это правдой...

Степа проснулся от стука в дверь. Кряхтя, жалуясь на жизнь, он подошёл к двери и спросил: «Кто там? Вы кто?».

– Это я, Анатолий. Позови дедушку, – ответил Анатолий Петрович.

Других Анатолиев у нас там не было, да и кто из богачей решит стучать в такую халупу.

Мальчик открыл дверь и сказал:

– Проходите, Анатолий Петрович, сейчас позову бабушку.

Мужчина кивнул, причесывая свою бороду, параллельно смотря в зеркало, обрамленное деревянной рамкой. Степа быстро побежал в комнату бабушки.

Легко тряся деда за плечо, он приговаривал, переходя с шёпота на крик:

– Дед, деда-а, вставай уже! Рота подъем!

– Что? Где? Война? Беги, внучок! Как они добрались? – крикнул дед.

– Спокойно бабушка, к тебе почтальон Печкин пришёл, – ответил мальчик.

– Кто? Печки... А-а-а, Антошка что ли?

– Да. Анатолий Петрович.

Деда ловко для своего возраста вскочил с печи на обе ноги, надел шлепки. В своих козырных семейках и морской тельняшке чуть ли не вприпрыжку побежал к дверям.

– У-ти мой дорогой, как я сучал, Тошка! – обрадовался

дедушка.

– Да и я по вам, Пётр Семёнович, – ответил мужчина. – Тут пакеты: там и лекарства, и крупа, и Люда ему фруктов прислала.

– Ой, всё, не напоминай про неё.

– Да ладно вам, хорошая девушка.

– Довольно, отстань. Чайку отведаешь?

– Не, мне ещё к Зине заехать надо.

– Ну ладно, ступай смело и Зинаиде «привет» передавай от меня, – ответил дедушка, обняв мужчину.

– Ага, пока, дедуля, – попрощался Анатолий Петрович, погладив его по голове.

Мужчина покинул дом.

Степа прибежал в прихожую и забрал у деда два пакета, пытаясь краем глаза увидеть, что внутри, и привезла ли тётя Люда что-то.

– А-ну! Неси аккуратно! – крикнул дед.

Выпрямившись, как в строй, он донёс пакеты до кухни. Поставив их на стол, он ничего необычного не увидел. Дедушка поставил третий пакет, и там лежало куча всяких вкусностей: от простых фруктов до мандаринов и киви. Степа разинул рот от удивления, ведь столько всего он не видел с тех пор, как начал жить с бабушкой.

Степа, конечно, обрадовался и был доволен, но чего-то явно не хватало...

После того как дедушка всё разложил, он пошёл к красному уголку в его комнате и начал молиться, так сказать, благодарить бога за такую милость.

–Ну что же, приступим, – сказал Степа, но вскоре изменился в лице. На его лице выступил испуг, паника или что-то иное. Было непонятно, что конкретно, но было точно ясно одно: он что-то искал.

–Ну где же она? – бормотал Степа, ища записку.

Но он так и не нашёл её.

Весь его оставшийся день прошёл серо и уныло.

9 Ноября.

Стёпино утро прошло хорошо, ведь оно началось с воскресных утренних мультиков. Ради них он вставал, как по будильнику. Он старался быть тихим, как мышь, чтобы не разбудить и так уставшего дедушку. Вчера он весь вечер ремонтировал забор. А вечером опять сидел у себя в комнате за письменным столом и что-то писал или вырисовывал. Степка не стал отвлекать дедушку по его же просьбе. Он пошёл на кухню, хотел взять что-нибудь вкусного, но его желание прервал писк за окном, похожий на скрип расстроенной скрипки. Было слышно тихое «Ми».

Степа подбежал к окну и увидел в нем светлый святой пушок радости и счастья. Он был не грешный, совершенно невинный, словно солнце, от него так и веяло добром, принесённым ночью тьмой – Дремой. Степа отодвинул с подоконника дедушкины фиалки, кактусы и прочие растения. Он пытался забрать котёнка у кошки, но она крепко держала его в зубах, царапалась и рычала. Степка через крики и боль занёс Дрему в дом, после чего закрыл окно и расставил всё на свои места.

Дедушка ещё спал, но из детских мультиков Стёпа вспомнил, что едят котята, и налил ему молока в его любимое

блюдце.

А сам тихонько пошёл будить дедушку, всё же надо обрадовать его такой находкой:

– Деда-а-а, вставай, у нас тут чудо, – прошептал мальчик дедушке на ухо.

– М-м-м? Чудо будет, если я посплю ещё часа 3, – пробормотал дед.

– Ну ладно, спи ещё, бабай.

– Спасибо, бородатый гном, – усмехнулся дед.

Степа вернулся к котёнку, а блюдце уже опустело. Может это была Дремка, но Степа всё-таки надеялся, что это был котенок.

«Котенок? Как-то не правильно, – подумал Степа, – Люси? Марья? А вдруг мальчик? Хм-м, может Кузя? Или Персик? Не, персик рыжий, а он белый как снег. Пушок? Тоже нет, он гладкий, а не пушистый. Барс? Слишком легко. О! Будет Бит, Бити. Да-а, и имя как раз для обеих кошек, будет Бит, – рассуждал сам с собой Степа». Утренние мультики сменились новостями. И проснулся дедушка. Мальчик услышал его кряхтение и помчался с котёнком к дедушке:

– Деда! Деда! Смотри, какое чудо! Какой он красивый,—с радостью рассказывал Степа.

–Да-а, всё же не дал мне дос... Ох-ох, он и вправду чудный, внучок, но мы не можем его остав...— не успел дед сесть и договорить, как его своими криками и ласками перебила Дерма. Её крики слышны были даже на улице. А рот деда она закрыла своими лапами, так и умоляя оставить котёнка у себя.

– Деда, дед, какая разница, одним больше, одним меньше? Тем более Дремота дома почти не бывает, ну, по крайней мере, я её не вижу.

Всё же согласился дедушка, поставив условия, что он не будет за ним следить и убирать.

Степа радовался весь день. Каждый его миг был наполнен добром Бит, а точнее Бити, это оказалась девочка.

Теперь мальчик спит не в обнимку с одеялом, а с беленьким котёнком счастья, которое он дарил Стёпе...

14 Ноября.

День Степы начался опять с проверки пакетов и надежды что-то найти в них интересного. Ничего не обнаружив, мальчик собирался идти в зал, но дедушка попросил помощи, чтоб проводить Анатолия Петровича до машины.

Он подхватил деда за локоть и кисть и помог выйти из дома.

–Ох, надо бы вам забор поменять, дедуль, – сказал мужчина, садясь в машину.

–Ничего не говори, Антошка, знаю я, здоровье не позволяет, ноги не терпят, – ответил, вздыхая, дедушка.

–Ладно, крепись, дед! – крикнул Анатолий, уезжая в даль. Дедушка поковылял обратно домой, а Степа засмотрелся на соседских мальчиков, которые шумели на всю округу.

«Получай, жалкое отродье!»– крики были слышны от одного из домов. Вместе с этим повсюду раздавалось: «Ха-Ха Хи-хи».

Степа присмотрелся, а там была девичья кукла в красном бархатном платье с кружевами на концах. Поверх платья был белый фартук. Лицом она почти не выделялась, но её глаза... Это нечто! Голубые очи, словно утреннее небо, а блики в них были перистыми облачками...

Степу переполняли эмоции: злость, сострадание, отчаянье и решимость.

Он крикнул самым угрожающим тоном, который смог создать:

– За что вы так с бедной девочкой?!

–Девочкой? Это жалкая, как и ты, кукла. Иди полюбуйся на брата, страшила! – поступило в ответ Степе. Кукла полетела ему в ноги.

После безжалостных издевательств человеческого отро-

дья она совсем была испорчена.

– Пошли домой, бедняжка, – сказал Степа и прижал куклу к груди. Свет на глаза игрушки лёг, подобно слезам.

Вернувшись домой, он спрятал куклу в зале под диван, на котором он спал. Дед вряд ли мог заметить её, ведь не так часто заходил в зал: телевизор он смотрел на кухне, а свободное время проводил у себя в комнате за книгами или рукоделием. Дождавшись вечера, Стёпа лег спать как можно раньше, сославшись на усталость глаз из-за телевизора.

– Тебя надо ограничить в нем, а то зрение хуже моего будет! – сказал

Дедуля, выключая свет в зале и уходя в свою комнату.

15 Ноября. Полночь.

Стёпа проснулся в районе часа. Перевернув календарь, он принялся за дело. Тихомолком он встал с дивана и на цыпочках подошёл к телевизору, под столешницей которого стоял тот ящичек с машинкой, а вместе с ней и ткань.

В комнате стояло тяжелое напряжение: Степа был взволнован и весь переживал, боясь, что дедушка проснется. Столешница соскользнула с пальцев мальчика и ударилась о его ножки! Он быстро спрятал сбоку стола швейный станок и прыгнул под одеяло, имитируя сопение.

Полежав так минут 15, он встал и попробовал снова раздвинуть стол. В этот раз обошлось без происшествий. Поставив швейный набор на стол и забрав куклу, он пошёл на

кухню за укусом, но нашёл только белизну, посчитав, что та сможет оттереть грязь и пасту с лица бедной куколки. Воспользовавшись тряпкой с кухни и отбеливателя, мальчик оттирал игрушку, и через минут 10, наконец-то, да! Ему удалось это сделать. Но есть одно «но»... На платье попал отбеливатель. Его уже не будет смысла отстирывать и зашивать, теперь только отправить на помойку.

Расстроившись своей неловкостью и неуклюжестью, он начал разбирать одежду: он отсоединял каждую пуговку, доставал каждую ниточку и сохранял каждый целый кусочек ткани, каждое кружево и бантик.

Закончил возиться с тканью Стёпа к рассвету. «Через час уже и дедушка встанет, пора заканчивать», – подумал Степа. Его глаза уже слипались, но он отделил и рассортировал всё, а лишнее выкинул в урну. Убрал всё за собой, спрятав куклу, он лег спать, досыпать свои часы.

15 Ноября. Утро.

–Подъем, паренёк, уже давно солнце встало, негоже спать до обеда юношам, – покачивая Степу, бормотал Петр Семёнович.

Кое-как дедушка раскачал мальчика. Со слипшимися глазами мальчик сел, посмотрел на календарь и в панике проверил куклу.

–На месте, – сказал Степа, смахивая холодный пот со своего лба.

Покачиваясь из стороны в сторону, одевая майку, он на-

правлялся в ванную, чистил зубы, в то время как вокруг его ног терлась Бит. Позавтракав с дедушкой, как всегда, вкусной кашей, он пошёл в зал листать каналы в надежде найти передачу про шитье, но это было безуспешно. За окном было серо и пасмурно, дел не было, да и делать особо ничего не охота в такую погоду. Надев свою старую синюю куртку, которую Деда называл «не жалко», он пошел прогуляться, подышать запахом влажной травы и опадающей листвы. У себя во дворе мальчик гулял очень редко, лишь утром в будни, пока соседские дети были в школах или детских садах. А сейчас у детей каникулы: никакой учебы, поэтому Стёпа ходил гулять в лес, точнее в кленовый лес, в который можно было попасть, лишь пройдя сосновый бор. Деда всегда в нем прогуливался, когда начинал заболевать, и, как по волшебству, на следующий день был здоровенький. Место было и правда волшебное. Жаль его. Хотел бы я ещё раз побывать в нем. С игол сосен падали капли оставшейся влаги. Городским не понять чувств, что испытываешь в этот момент: когда просто идешь и любишься без какой-либо нужды, просто бродишь, просто живешь, просто наблюдаешь за перебегающими белками и куда-то спешащими ежиками. Тот переход и вправду красивое зрелище: резкий переход из высоких стволов и зеленых верхушек в сказочный мир оранжевых красок с летящими по легкому ветру листьями, которые так и бегут к нему на встречу.

Подкидывая опавшие листья ногами, Степа почти дошёл

к «Большему клену». Про него никто не знал, кроме самого мальчика. Это было его местом. Оно было его, пока не заметил там одну девочку, что за три года не видал даже в собственном дворе. У неё были румяные щечки, красивые голубенькие глазки, варежки на резинке и красный пуховик, а в руках была книжка «Алые паруса». На её рукавах спокойно лежали коричневые волосы.

Увиденный пейзаж поразил его. На него напал ступор, но, взяв себя в руки, он развернулся и начал уходить от неё, похрустывая наложившейся друг на друга листвой, пока та девочка не повернула голову:

– Постой! – крикнула она вслед.

Степа не стал обращать на неё внимания и шел все тем же задумчивым шагом. «Эх, какая же она милая девочка, красная куртка на фоне жёлтой листвы и темных стволов, что так сочетаются с её волосами. А глаза... Глаза, как небо, спокойное и мирное небо, что так радует глаз», – а мысли так и вертелись в голове мальчика.

На его плечо легла чья-то рука. Обернувшись, их взгляды сошлись. Это была она, та самая девочка.

– Ты куда уходишь? Я же позвала тебя, – спросила девочка.

Степа был несусветно рад, что она стоит и смотрит на него, но чувство счастья перемешалось со стыдом от его неопрятного вида.

– А-у, ты меня слышишь? – продолжала девочка, помахив-

вая ему перед глазами своей ладонью.

– А? – вышел из своих мыслей Степа.

– Доброе утро, тебя как зовут?

– Я... Да никто, и звать меня никак.

– Да уж, бред не неси, я Аня, а ты?

– Степа... Степой меня звать.

– Ну и зачем ты от меня убежал, Степаш? – спросила Аня.

– Не называй меня так. А убежал... Ну, долгая история. Я тебя раньше не видел здесь...

– А я приехала пару дней назад. До этого жила в Москве, но здоровье у папы ухудшилось, и мы решили переехать сюда, поближе к природе, – перебила она Степу.

– Да, место и правда волшебное. Моему дедушке 60, а то и все 70, и он ни разу не болел, – с улыбкой сказал он. – А ты надолго у нас тут?

– Не знаю, не я решаю, а родители, – ответив, Аня спросила: – А ты обратно когда пойдёшь? Просто я тут, ну, заплутала немного... Прости, что озадачиваю, ну ты понимаешь, наверное, новые окрестности и так далее.

– Ну, если тебе так нужно, давай сейчас отведу, мне не трудно, я тут каждый закоулочек знаю, три года уже живу, – ответил Степа.

– Ха-ха, ну закоулок вряд ли найдем тут, но спасибо, – поблагодарила Анна.

– Пошли давай, – сказав это, мальчик сунул руки в карманы и спокойным темпом, сохраняя невозмутимый вид,

пошёл дальше вперед. А в голове... М-м-м... Восхищение. «Аня, Аня!», – вертелось в голове у Степа. Ему хотелось слушать её вечно, да ответить ему особо нечего было. А она всё продолжала...

–Ну так вот, мой любимый цвет – красный, глаза голубые, люблю лето, училась в школе номер 17, папа – главный инженер, мама – ландшафтный дизайнер. А какой твой любимый цвет? Чем увлекаешься? Сколько тебе лет? Мне вот 11.

– Мне 9 лет, скоро 10. Шью, ухаживаю за кошками, помогаю деду, ничего особенного. А цвет, наверное, оранжевый или голубой, не знаю, – ответил на вопрос Степа.

На выходе из последних трех сосен Степа, как ему казалось, хотел знать о ней абсолютно все, каждую детальку. Он был очарован её голосом, умением рисовать и каждым сантиметром её лица.

Он проводил её к тому самому дому с гирляндами и собственным двориком. Наверное, поэтому он так редко её видел, ведь, по её рассказам, она приезжала на каникулы.

– На чай заглянешь? – поинтересовалась Аня.

– Скорее всего нет. Дедушка ждет, переживает, наверное, – соврал Степа. Ему ужасно хотелось побывать у неё в гостях, но он был не подходяще одет, не для того, чтоб гостить уж точно.

– Ну хорошо, было приятно познакомиться, Степаш, – с издевкой произнесла девочка и удалилась за ворота. Степа дождался момента, когда она полностью уйдет, и сам пошёл

домой.

Зайдя в прихожую, он заметил, что на часах 15:30. Степа аккуратно разделся, стараясь не разбудить дедушку. Из-за недосыпа он прилег на диван и сразу отключился. Проснулся он примерно в 7 вечера под одеялом, которым его укрыл дедушка. Ничего не поняв, он снял кофту с футболкой и отправился спать дальше.

16 Ноября. Полночь

Яркий свет луны, что сочился из-за незакрытых штор, разбудил маленького мальчика. Ужасная боль в висках, руки и ноги с полтонны, ужасное чувство мучило мальчика, но желание помочь бедной куколке было сильнее. Это стремление подсознательно переросло в долг, что он обязан выполнить перед самим собой.

Через «не могу» он встал, раскрыл стол, подготовил все, что нужно, и принялся восстанавливать куклу, заменяя красную ткань на нежно-голубую, что осталась ещё от бабушки, когда она шила платье для мамы на выпускной. Пытаясь как-то сообразить, как шьется платье, он начал вырезать лоскутки, в точности повторяющие красные. Таким образом, он перешел к платью, что было на ней, только теперь оно голубое.

– Осталось отстирать фартук, пришить кружева и... – Степа уснул, оставив абсолютно все на столе.

16 Ноября. Утро

Проснувшись, я был сильно удивлен, что из зала нет ни

единого звука, помимо кошачьих криков. Почесав бороду, да с горем пополам я встал, оделся, вышел в зал, а там Степа спит за столом да за швейным аппаратом.

Я стою и смотрю на это глазами по пять рублей. Ну я и попытался его растормошить, да безуспешно. А как задел его лоб, аж руку отдернул! Кипяток! Ну и понял, лучше не стоит будить. Закинул его руку на свою шею, а его самого на руки взял, ели как донес до постели. Вырос как-никак мальчик. Сходил, намочил тряпку и положил ему на лоб. Эх, заболел малой. Решив вернуться в спальню, я повернул голову и заметил, что на полу кукла валяется, а на столешнице платье. Сшито на удивление хорошо, как покупное. Это точно Степа делал? Забрав все кружева, пуговицы с куклой и станок, я ушел в свою комнату... – Дед.

Степа очнулся, глаза горели, а с его лба свалилась тряпка. Поняв, что он в кровати, вскочил с неё в холодном поту. Но увидя куклу, сидящую на углу убранного стола, он успокоился. Да вот только кукла была с покрашенными губами и одета в законченное платье с кружевами, на котором красовался белоснежный фартучек. Дедушка стоял в проходе, оперевшись на стену:

– Где куклу достал? – спросил Дед.

– Ребята пинали её, ну и она попала в мои руки. Они сказали, что она им не нужна, вот и забрал, – ответил Степа.

– Сам платье сшил? – продолжил тот опрос.

– Сам, по старому красному платью, что на ней было до этого... – сказал мальчик, опустив голову.

Дедушка подошёл к мальчику, поднял руку и погладил парня по голове:

– Молодец, внук, правда молодец, – с гордостью произнес дедушка, пройдя к кукле и погладив её по волосам. – Я тебе тут помог немного, а то ты весь утомился.

С этих слов головная боль снова дала о себе знать. Степа взял куклу, посадил её на подлокотник дивана и лег обратно, повернувшись к спинке дивана.

– Спасибо, дедушка, что понимаешь меня, и за помощь тоже, – прошептал Степа, но все же деда это услышал.

Дедушка принес тому градусник и сказал: «Меряй давай! Когда переносил тебя, чуть руку не обжег». На градуснике было 38.1 :

– Эх ты, ай... – сказал дедушка с небольшим огорчением, уходя и махая рукой вслед.

Спустя пару минут он вернулся, неся в одной руке горячий чай с медом, а в другой была фарфоровая розетка с малиновым вареньем. Пока Степа пил да ел, дедушка включил мультики, тем самым назначив мальчику постельный режим.

19 Ноября.

Степа ещё не полностью отошёл от тех дней, когда лежал с температурой. Да и нельзя сказать, что он поправился, но уже лучше, разница видна на глазах. Когда Стёпа проснулся, из кухни уже был слышен запах блинов. Перевернув кален-

дарь, мальчик оделся и вышел на кухню.

Глаза Стёпы тут же превратились в пяти рублевые монеты:

– Аня?! Что ты тут забыла? Как ты узнала, где я живу?! – восклицая спрашивал Степа, пока не получил по кепке от дедушки.

– Не кричи на девочку.

Дожевав и проглотив дедушкин блин, она вытерла рот и начала рассказывать: «Ну дело было так...

На следующий день после того, как ты меня проводил, я каждое утро в 10 утра проверяла, вышел ли ты или нет. Не знаю, почему в 10, но все же что-то давало мне уверенности.

И вот сегодня моя уверенность переполнилась, и я решила узнать, где ты живешь: вышла на улицу и вижу, как твой дедушка двор подметает, устал, запыхался уж весь, кстати, ещё раз большое спасибо за чай с блинами, очень вкусно, дак вот, подошла я к нему, спросила, нужна ли помощь, он ответил: «нет», ну и я спросила заодно, где ты живешь. А он и сказал, что ты его внук. Ну вот так и сложилось все».

– Ты бы хоть предупредил или разбудил, дедушка, – сказал Степа, сев напротив Ани и в то же время слева от окошка».

– Ну вот, звала тебя на чай к себе, а в итоге я пью у тебя. Эх, ну ладно, а у тебя тут классно и уютненько: у дома свое настроение есть, что ли. Если вы не против, можно я к вам заходить буду? – спросила Анечка.

На что дед и ответил: «С радостью, будем ждать тебя».

– Я думал, тебе не понравится то, где живу, и то, кто я вообще такой. Думал, ты, как все в этом закутке, что еле можно и деревней назвать, будешь оскорблять меня и даже дружить не захочешь, – проговорил Степа.

Поставив кружку в раковину, Аня сказала:

– Бред не носи, все нормально, – после чего та погладила Степу по голове и сказала: – Не парься, все хорошо, допивай и показывай тут мне все.

– Ага, – ответил Мальчик, доедая блин.

Дедушка ушел в свою комнату, дабы не мешать ребятам.

– Чего-то особенного у меня дома нет. Простой дом, – рассказывал Степка, показывая ей зал.

Взгляд Анечки пал на куклу:

– Откуда у тебя такая красота?

– Ребята жестоко с ней «играли», и она так попала мне в руки. Я перешел ей платье, ну... почти я... на мне началась работа, а закончилась на дедушке и моем жару, – рассказал Степа.

– Теперь все ясно, куда ты делся, а можно посмотреть?

– Угу, – протянул куклу мальчик.

Боясь заразить Анечку, он постарался больше не подходить к ней. Но вскоре ему поплохело, и девочка ушла домой. Весь оставшийся день Степа лежал в постели с плохим настроением и больным состоянием.

Он очень опечалился, что все так вышло, ведь он уже шел

на поправку, а теперь снова валяется в кровати. Его ничего не радовало. В таком состоянии он и уснул.

21 Ноября.

Степаша проснулся ближе к заходящему обеду. На столике у стенки лежал небольшой пакетик. Там стояла банка и десяток конфет «Батончик». Он открыл банку и слушал этот мягкий аромат: запах трав и пряность, которую он знает самого детства, – запах натурального, настоящего мёда! Насладившись запахом, он попробовал одну конфету. В её обёртке лежала маленькая бумажка, на которой было изображено пара символов, напоминающих сердечко и слова: «Поправляйся, солнце!».

На душе мальчика стало так тепло, странно и необычно. Переворачивая календарь, он заметил на полу записку, сложенную в квадратик и закреплённую скотчем. Степа взял эту записку и подошёл к окну.

Открывая её, Стёпа увидел, что на одной из сторон было подписано красивым почерком: «Люда».

На развороте была приклеена фотография девушки с черными волосами по плечи, на взгляд, с высоким ростом, и, скорее всего, с возрастом около 19-ти лет. На самом листке было целое послание, внизу которого была целая поляна с кучей мелких цветочков:

«Привет, Степа. Я не бросаю попытки отправить тебе письмо. В этот раз я приклеила его на дно банки с мёдом. Надеюсь, у тебя все хорошо. Нет, я верю, что у тебя все хо-

рошо. Я не хочу тебя пугать и давать ложные надежды, но если все выйдет, ты заживешь новой жизнью. Я очень сильно хочу тебя увидеть. Каждый раз, когда пишу тебе письмо, я надеюсь, что дядя не найдёт и не отправит его в урну. Ещё я узнала, что ты заболел. Твой дедушка, когда звонил, рассказал об этом. Как ты учишься? Надеюсь, всё хорошо. Я, честно, очень переживаю за тебя. Позвони, пожалуйста, если сможешь. Я смогу принять звонок 26, 27 ноября, а также 1 и 7 декабря. Номер написан под крышкой меда. Удачи, солнце.»

Мальчик молча поднял голову и смотрел в окно. Тусклый свет сквозь небесную гущу светил ему в глаза.

– Снег, – сказал Степа и с какой-то грустью смотрел на сотни падающих снежинок, безмятежно крутящихся в приятных ласках зимнего ветра.

Хлопок двери вывел его из транса печали и грусти. Это был дедушка. Степа быстро вытер глазки и, открыв мед, отодрал номер Люды с крышки, приклеив его под её же фото, сложил письмо как было и спрятал в кукле.

Дедушка вошел в комнату и сказал:

– Доброе утро, а чего у тебя глаза на мокром месте?

– Доброе утро, деда. Недавно проснулся просто, не выспался, зевнул, вот и вышло так, – ответил Степа.

– Ну ясно, внук, пошли чай пить?

– Да, конечно, – и пошли они пить чай.

Во время чаепития Степа спросил:

– А у нас есть телефон?

–Нет, мальчик мой, нет, – ответил дедушка.

–Жаль, я Ане хотел позвонить.

–Ну ничего, скоро поправишься, и вы обязательно встретитесь, поговорите.

Оставшийся день Степа ходил по комнатам, делал повседневные дела, но в голове была каша со всеми этими планами, теориями и письмами. У него стоял главный вопрос: чего хочет Люда?

30 Ноября

Степа с горем пополам, но выздоровел. Все дни его мучило это письмо. Он перечитывал его раз за разом, пытаясь найти хоть какой-то ответ. Да только чем чаще он его читал, тем тошнее ему становилось.

« А ведь и вправду я здесь, как в клетке, взаперти этого соснового бора. Я раньше никогда не задумывался, что ждет меня дальше? Каждый год я расту, и дедушка не молодеет. Таким темпом я останусь совсем один. Да и не могу же я вечно сидеть у дедушки на шеи. Я ведь ничего не знаю о мире, как все устроено. И я даже банально не ходил в школу, меня дедушка научил основам – и только. Кому же я, такой бездарь, сдамся? Я обязан позвонить Люде. Я обязан её увидеть».

Степа очень расстроился. Все эти мысли буквально съедали его рассудок. У него просто-напросто не было сил встать с кровати и перевернуть заведомые последние страницы ка-

лендаря перед столь заведомым днем.

В последнее время дедушка тоже грустный ходил, да и проблемы со здоровьем досаждали его всё сильнее и сильнее.

Сейчас же он чистил снег перед входом в дом и остановку под приезд Анатолия Петровича. Вдруг он постучал в окно и показал мальчику, чтоб тот шёл к нему. Мальчик уже задался вопросом, но как только он увидел это солнечное личико в оконце, все вопросы ушли, а силы пришли к нему вновь. Степа быстро заправил кровать, оделся и параллельно почистил зубы. Через 7 минут он уже был за порогом дома, где на его шее повисла Анечка:

– Привет, Степа! – протяжно поздоровалась девочка.

– Привет, Ань... – с капелькой грусти ответил ей мальчик. Дедушка же в это время безмолвно затаился за дверью дома.

– Что-то случилось? Ты грустный какой-то, хотя вот передо мной стоишь здоровый вроде, – осматривая его, спросила Анечка.

Степа молчал, думая, что ответить. «Можно ли ей вообще доверять?» – размышлял он. Хотя у него и выбора особого не было. Все превращалось в казино, где была лишь одна кнопка: «all in». Он все рассказал... Глаза снова были на мокром месте, а его взгляд был направлен в серое небо, чтоб не показаться слабым.

– Тише... И спасибо за доверие, – Аня обняла мальчика, уткнув его лицо в свое плечо.

А его душа... Она разрывалась, напоминая те страшные раны, что так и не зажили, а были засыпаны песком повседневности. У него потекли слезы, что он так долго прятал за стеклянными, миловидными глазками.

– Все хорошо, Степаш, – продолжала она, – у меня телефона нет, я их столько перебила и потеряла, что мне перестали доверять. Но в ближайшем городе есть телефонные будки и переговорные станции. Выходим завтра в 4 утра. Встречаемся тут, во дворе. Деньги и все нужное я возьму. Запал же ты мне в душу, Степаш, – поглаживая его по голове, рассказывала план Анечка, хоть и осознавала, что у неё будут большие проблемы за такой поступок.

– Все понял? – спросила она, положив свои руки на его щеки и направив его взгляд на себя.

– Ага, – ответил Степа, стирая следы от слез на своём лице.

– Молодец! – похвалила его Анечка.

Следующий час они прогуливались по лесу, обсуждая мелкие детали: куда идти, что нужно взять и как одеться...

На удивление, дедушке было все равно, что мальчик ходил по кухне с портфелем, собирал что-то, ещё и лёг в 5 вечера. Последние дни он почти не выходил из своей комнаты, что заставляло волноваться мальчика.

Стёпа выпил стакан горячего молока и отправился в постель в предвкушении завтрашнего дня.

1 Декабря. Утро. 3:30.

На улице было ещё совсем темно. О том, что выйдет солн-

це в такую рань, и думать нельзя было. Звон будильника разбудил мальчика. Тот потер глаза и сел на край дивана, пытается «раскачать» себя. Через «не могу» он встал, как-никак они уже договорились. На кухне Степа попил воды, умылся и начал собираться.

Надев под болоневые штаны колготки, он начал напяливать на себя кофту, под которой была футболка, а также двое носков, одни из которых были шерстяные. Сверху у него была куртка, шапка, шарф, варежки и валенки. Перед тем как выйти, он положил куклу в рюкзак, где уже лежало письмо от Люды.

Ровно к 4-ем Степа уже закрывал дверь с обратной стороны и поджидал Аню.

– Бу! – раздалось из-за спины мальчика. Свет фонарика мальчика осветил её, как перед ними возникло неловкое молчание.

Степаша стоял с закрытыми глазами и недовольно сказал:

– Не делай так больше.

– Прости, больше не буду. Ты все взял? Ничего не забыл? – спросила Анечка.

– Бутерброды взял, куклу взял... ну и там по мелочи. А ты? – задал встречный вопрос Стёпа.

– Не-а, всё со мною, пошли давай, времени и так мало, – ответила Аня.

– Ага, – сказал он и передал ей фонарик.

Они выдвинулись в путь. Степаша очень сильно волно-

вался, ведь прошло почти 4 года, как он живет в деревни, и за все это время он ни разу не был за её пределами.

– Ань, ты уверена, что мы верно идем? – спросил он.

– Да, мне эта дорога сильно в память въелась, – ответила она.

– Чем же? – снова задал вопрос Стёпа.

– А ты оглянись: время 5 утра, ни одной машины, я с тобой иду по обочине с рюкзаками. А по сторонам-то: с одной стороны поле, покрытое вот-вот выпавшим снегом, с другой – сосновый бор! Разве это не прекрасно? Чувствуешь это мягкое, вдохновляющее зимнее настроение? И все силы вложены в нашу победу, во имя нас и нашего будущего! – повествовала Анечка.

После всех этих слов сомнения и страх мальчика сняло рукой и его переполняла решимость:

– Ты права, что-что, а глаголить ты можешь.

– Ого, какие словечки, барин небось какой-то? – с дружественной издевкой спросила Анечка.

– Да если бы, душечка, мне до него, как до Москвы пешком, – поддержал он её.

– Не печалься, батюшка, сейчас дойдем, ха-ха.

– Но барином от этого же я не стану. Так что не брехай мне тут!

В такой теплой и игривой обстановке они пошли дальше. В скором времени солнышко уже начало показывать свои первые лучики, а мимо них уже начали проезжать первые

машины, мчащиеся по своим делам: кто на работу, а кто к родным. На диво чудное явление, ведь они смогли дойти до входа в город совсем без проблем. Что же стало с миром нашим, что люди перестали быть товарищами? Два ребенка идут вдоль трассы совершенно одни, да и в такую рань. Разве тебе трудно остановиться? Спросить? Поинтересоваться? Вот так и теряются связи между всеми нами, ведь у самих проблем навалом.

Пройдя чуть дальше в город, Стёпа весь растерялся. Трудно деревенскому мальчишке ориентироваться в десятках зданий вокруг него. От этих ноток в голове мысли под названием: «Не такой, как все». Ему казалось, что на него давят стены этого города, каждый взгляд, каждая мысль человека, что находится рядом.

Анечка взяла его за руку после первого же светофора. Увидев, как он теряется во всех этих знаках, она сказала: «Не бойся, просто иди за мной».

Мальчик скромно кивнул, а его лицо покраснело от смущения, но все же это помогло ему успокоить ход своих мыслей.

– Извините, а вы не знаете, где находится ближайшее место, откуда мы можем позвонить? – спросила Анечка незнакомца.

– А тебе зачем, маленькая девочка? Могу свой дать позвонить, – предложил прохожий.

– Нет, спасибо, дак вы знаете или нет? – переспросила де-

вочка.

– Прости, не знаю, – ответил он и растворился в толпе.

– Ладно, до свидания, – попрощалась Анечка, но в ответ уже ничего не услышала.

Они опросили ещё пару прохожих, но ничего не добились. Решив передохнуть, они сели за столик, что стоял на улице, какой-то кафешки. Степа достал из сумки чеплашку, в которой были теплые бутерброды, завернутые в фольгу. Анечка же достала из сумки термос и два пластиковых многоразовых стаканчика. Они разлили чай, после чего сняли варежки и положили их под термос, чтоб те согревались, а сами грели руки от горячего чая. По мере съедания бутербродов, они складывали фольгу в варежки, так как она была ещё горячей, и они надеялись согреть их хоть как-то. Горячая жидкость неслась по телу ребят. Они были счастливы такой мелочи. Именно эти мелочи дают силы бороться дальше.

– Извините, вы можете угостить меня одним бутербродом? Он так пахнет, аж внутри кафетерия чувствую, – спросил мужчина в форме.

Анечка хотела протянуть свой, но Степа отдал свой быстрее, как-никак она девочка, пусть кушает. Та же поделила свою порцию напополам и дала мальчику, тот кивнул.

– Спасибо, а вы чего не в школе-то, ребят? – спросил полицейский.

– А мы не отсюда, – ответил Степа.

– Как это так, не отсюда? А родители ваши где? – уточнил

он.

– Мы по делу пришли из деревни, нам позвонить надо. Да так, чтоб из наших никто не знал, – проговорил Стёпа. Аня показывала всеми способами, чтоб тот замолчал, да тот глупыш ничего не понимал и уже все рассказал мистеру полицейскому.

– Дурак ты, Степа! – сказала Аня, достала из портфеля мальчика куклу, а из неё записку и протянула письмо служащему.

– У меня перерыв на завтрак кончается, так что садитесь в машину, в участке все переговорим, – сказал мужчина.

Дети начали опасаться его и думать, что делать.

– Да не бойтесь вы. Ничего вам не будет, – сказал Дмитрий Ткачев, так было написано в его удостоверении, что он показал ребятам. Те с опаской все же сели.

– Я Дмитрий Григорьевич, старший лейтенант полиции. А вас как зовут? – спросил он.

– Я Аня, а он Степа, – сказала девочка.

– Хорошо, и откуда же вы будите такие, ходоки?

– Да вот из «Соснового бора», Дмитрий Григорьевич, – ответила она.

– Далеко же вас занесло. Родители ваши в курсе? – спросил мужчина, но ответа так и не услышал. – Ясно.

Анечка всю дорогу держала Степу за руку, зная, какой это для него стресс. Люда, Дмитрий Григорьевич, огорченный дедушка, новый город, загадки, светофоры, родители – все

это на плечах этого мальчика, и ему бы никто не помог, если бы не эта добрейшей души девочка. «Спасибо тебе, Аня», – мысленно благодарил её Стёпа

Доехав, лейтенант открыл дверь участка. Там никого не было. Они прошли вглубь здания, где в уголке стоял столик, а на нем куча документов и барахла. В правой части была пустая клетка, а на стенках висели баннеры с информацией и фото президента. Сев за стул, он принялся читать письмо, что ему дали дети.

– Ну и попал же ты, деревенский парень. Ты, выходит, в школу не ходишь? – спросил полицейский.

Тот в ответ повертел головой в разные стороны.

– И телефон в руках не держал?

Ответ был тот же.

– Ладно, пока никто не пришёл, можете позвонить со стационарного телефона, я номер уже ввел, – сказал мужчина и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Им нужно было лишь нажать одну кнопку вызова, и звонок раздастся. Степа перечитал письмо ещё пару раз и уже был готов нажать эту заветную кнопку.

– Ты молодец, Степа, молодец! – сказала Анечка и нажала на кнопку вызова, протянув трубку мальчику.

Степа на нервах оттолкнул её руку, но как прошли первые губки, он прижал трубку к уху.

– Алло, – раздалось из трубки.

– Алло, это Люда? – спросил мальчик.

– Да, а кто спраши... – не успела она договорить, как её голос задрожал. – Степаш, это ты?

– М-г-м, – на его глазках появились мокрые следы. Заметив это, Аня прижала мальчика к себе.

– До тебя впервые дошло письмо... Я рада, я счастлива. Но почему так поздно ты позвонил? Почему не в первый день, как я смогла? Ты выздоровел хотя бы? У тебя все хорошо? – пытаюсь не показать, как чертовски, аж до слез, она рада слышать мальчика, начала спрашивать Люда Стёпу.

– Мы вышли в 4 утра, чтоб дойти до города, к 7 уже были в нем, два часа гуляли и искали пункт переговоров, ничего не нашли, сели покушать и наткнулись на полицейского Дмитрия Григорьевича Ткачева. Он отвез нас в участок, откуда я с тобой и разговариваю. Он говорит, что с нами ничего не будет, так что вроде нормально. В школу я не хожу, так как добираться долго. В город я добрался благодаря Анечке. Это единственный мой друг, и то, что я сейчас разговариваю с тобой, тоже благодаря ей. Ответь, пожалуйста, на один мой вопрос: кто ты такая? – спросил Стёпа.

– Я твоя тётя. Я была поздним ребенком, но из-за одного происшествия, которое задело и твоих родителей, мы в таких ситуациях. Меня забрал Анатолий Петрович, а тебя дедушка Петя. Я была от второго брака, поэтому кровно с ним никак не связана, а ты его прямой внук, вот он и забрал тебя. А я тогда начала учиться на юриста, чтоб тебя забрать. И вот в этом году уже сдаю экзамены, учу весь материал заранее,

чтоб сдать экзамены пораньше и получить диплом. Я уже начала работать и этот год живу отдельно. Место юриста мне уже забронировали, так что обеспечить тебя и сделать твою жизнь нормальной я смогу, Стёп.

– Но меня все устраивало до твоего письма. Теперь, судя по всему, у меня нет выбора, – сказал мальчик.

– Просто жди, Стёпа, просто жди... – звонок прервался, свет в комнате потух.

– Ой! – испугалась Анечка.

В комнату зашёл Полицейский с двумя шаурмами и фонариком.

– Ты успел договорить? – спросил его мужчина.

Мальчик пожал плечами.

– Ладно, свет не включают ещё три часа, так что сейчас я вас отвезу обратно в деревню. Не переживай, все будет хорошо, – сказал Дмитрий Григорьевич. – Садитесь в машину и ешьте. Я слышал, какой вы путь проделали, так что вы заслужили.

Аня взяла две порции, а разревевшегося Стёпу прижала к себе:

– Поплачь, это правда тяжело принимать.

После чего Дмитрий отвел Стёпу в уборную, чтоб тот привел себя в порядок: умылся и успокоился.

Они сели в машину. На фоне играла какая-то песня, а в голове Стёпы была пустота. Дети покушали, и от всех этих нагрузок их укачало.

Проснувшись, он уже был в постели. На часах было 7 вечера, поэтому мальчик решил спать до утра.

2 Декабря.

Около постели мальчика стоял его рюкзак с вещам, а верхняя одежда была вся на месте.

– Все же не сон... – сказал Степа.

Дедушка все так же мрачно сидел у себя в комнате, ничего не сказав мальчику.

– Я пойду проветрюсь, Деда? – спросил он.

Хмурое «М-г-м» раздалось из комнаты. Накинув куртку и первые попавшиеся штаны, он побежал к домофону Ани и позвонил в него.

Из него раздался голос девочки:

– Да, Стёп, чего хотел?

– Ты выйдешь поговорить?

– Нет, я наказана за вчерашнее.

– Значит все-таки правда было.

– Да... Ладно, мне бежать надо, Стёпчик, – сказала Анечка и отключилась.

Стёпа вернулся домой и начал делать все дела, раз Аня пока что наказана.

Он приготовил поесть, прибрался, постирал одежду, а дедушка всё так и не выходил, только и сидел в своей комнате, не выглядывая, лишь перед сном желал спокойной ночи.

7 Декабря.

Напряжение, что стояло после той вылазки в город, до сих

пор стояло в доме Стёпы. Лишь в одиноких прогулках он мог забыться и хоть немного отдохнуть от многотонного веса семейной обстановки...

«Опять седьмое, опять он», – с такими словами сегодня проснулся мальчик от дверного звонка, что так бил по ушам. В последние дни мальчик плохо спал, из-за чего ложился поздно, а вставал ещё позже.

Встретил Анатолия Петровича дедушка. Они сидели на кухне и попивали чай. Пакет со всеми вещами стоял там же. Дед, ещё когда Стёпа приехал к нему, сказал: «Не ходи на кухню, когда я с кем-либо из взрослых пью чай или ещё что-то». Да вот за пределами кухни находиться можно было. Как раз напротив кухни была ванная, и Стёпа никогда не закрывал её до конца, дабы, когда тот умывается, случайно, совершенно случайно, услышать то, что ему не следует: будь то какое-то обсуждение новой покупки Петровича или дела, касающиеся самого мальчика.

В этот раз он вел себя как тень: тихо и непременно. Они и не заметили, как Степаша уже был в ванной, но мальчик не торопился умываться.

– Ты же в курсе, что я записки Люды каждый раз чищу? – задал вопрос Анатолий Петрович.

– Да, я и сам одну или две выбрасывал, и бывало лишь обрежу и оставлю маленький кусочек с пожеланиями, – ответил дедушка.

– А вот не стоило тебе этого делать, Пётр Семёнович!

Стёпка то все прознал. Я прошлые записки все выкидывал, там один и тот же текст был, ну ты и сам в курсе, а тут что-то с чем-то. Возьми да и прочитай, а я пока схожу руки помыть, – сказал дяденька и протянул тому письмо.

Степа забил тревогу, начал думать, куда прятаться, куда бежать, и уже придумывал оправдание. Да вот только Дрёма не хотела, чтоб тот думал, и решила выйти на улицу.

Перед тем как зайти в ванную, под ногами Анатолия завилась Дрёмка.

– Ну что тебе надо, кошара? – спросил он с доброй издевкой. Та быстро побежала к двери и начала скрести дверной проём.

«Вот он! Мой шанс!» – подумал Степа и быстро выскользнул из ванной, пока тот выпускал кошку на улицу, а дедушка читал письмо. Он быстро оделся и выскочил на улицу.

«Что же делать? Как быть?» – размышлял мальчик, да ничего лучше не придумал, чем пойти и обсудить это с Аней. Подойдя к её дому, Стёпа позвонил в домофон. В ответ раздался голос какой-то женщины:

– Алло, я вас слушаю, молодой человек.

– Здравствуйте, можете позвать Аню, а лучше пустить её на улицу, пожалуйста? Это очень важно.

– Хорошо, но обещаю, что больше вы ни в какие «масштабные» приключения не попадете, – согласилась мама девочки, поставив условия мальчику.

– Обещаю, только быстрее, пожалуйста, – сказал он, а на

противоположной стороне повесили трубку.

Через 5 минут девочка «торпедой» вылетела за территорию дома и обняла Степу:

– Я так скучала, ты и не представляешь!

– Ха-ха, представляю. И да, я тоже скучал.

– Мама сказала, что это что-то важное. Рассказывай, что случилось? – спросила Аня, ведя за руку Степу к себе во двор.

Они уселись на качели, и тот, вздохнув, сказал:

– Дедушка все узнал. Ему попало продолжение письма от Люды.

– А он разве не знал, зачем мы в город ходили?

– Видимо, нет. Скорее всего, Дмитрий Григорьевич просто сказал что-то по типу: «Я не приделах» или «Долго объяснять, а у меня работа», иначе бы дед уже давно предъявил мне за все это. Не зря же они все это скрывали.

– И то верно. А что делать-то теперь будем?

– Не знаю. Всё, что я решил: это рассказать тебе.

– Я что-нибудь придумаю обязательно, но сейчас тебе придётся идти домой. Этого не избежать, ты же понимаешь?

– Конечно, понимаю, но страшно же.

– Я верю, все будет хорошо. И я подумаю, что могу сделать.

– Спасибо за поддержку и в принципе за все, что ты сделала. Я очень ценю это! – обняв её, сказал Степа.

– Не за что, – ответила Аня и, обняв мальчика, сказала на

прощание: – Удачи, я верю в тебя.

Степа слез с качели и пошёл домой. Зайдя в дом, он заметил, что дедушка и Анатолий Петрович всё ещё разговаривали. Мальчик был душевно подавлен и уже чувствовал всё напряжение, что стоит в доме.

Дело шло к ночи, на часах уже 21:00. Так долго Анатолий Петрович ещё не задерживался. Все рейсы он отложил, лишь бы сообщить эту новость и всё обсудить с Петром Семёновичем. Вскоре он ушёл. И дедушка впервые за долгое время подошёл к мальчику и спросил:

– Это что такое?

Он кинул в мальчика письмом. Стёпа открыл его и начал читать.

– Читай вслух! – приказал Пётр Семёнович.

– Угу... «Привет, Стёпа! Надеюсь, что это письмо всё же попало в твои руки. Если же нет, то я не знаю, что уже и делать. Но раз ты это читаешь, то знай, после того, как услышала твой голос и твою историю, как ты с Анечкой прошли такой долгий путь, лишь, чтоб позвонить мне, я поняла, что пора переходить к действиям. У меня грядёт последний экзамен, и я уже буду профессиональным юристом. Я очень хочу, чтоб у тебя было всё хорошо. С этим дедом у тебя нет возможностей и выбора на светлое будущее. Ты заперт в клетке и я твой ключ. Я обязательно помогу тебе. А пока ждёшь, почитай те книжки и поешь мандаринчиков, что я тебе прислала. Спасибо большое, что рассказал, как там у тебя, а то

я переживала. Последние годы, как я узнала о тебе, ты часто мелькал в моих мыслях, а сейчас хоть мою душеньку успокоил. Я люблю тебя и спасу отсюда. *нарисованное сердечко*», – прочитал Стёпа. На его глаза накатили горькие слезы: от тех слов, что он так долго не слышал, не видел, о которых он старался не думать.

– Ты хоть понимаешь, что ты натворил? Этими словами ты обесцениваешь мой труд, что я в тебя вложил! – кричал на плачущего мальчика Пётр Семёнович. – Последние силы своей жизни я тратил на тебя! Я старался, я всё делал ради тебя! Моего единственного внука! Ты же понимаешь, что у меня, кроме тебя, никого нет?! Эти красноречия как ножом по сердцу! Я и представить не мог, что ты на такое способен, парень!

– Ты не видишь, сколько ты сказал «я»? Хоть раз бы сказал «мы»... Ты думаешь только о себе, дедушка... Ты боишься остаться один и всё... – ответил тихим голосом Стёпа, стирая мокрые следы со своих щек.

– Ну да, конечно. Для себя же я учил тебя шить, для себя я учил тебя грамоте, чтению и математике, для себя же я по утрам готовил блинчики, а на полдник запеканку, для себя же я варенье последние 3 лета крутил. Ну да, конечно, – иронично и с подавленной агрессией, что так и лезла из него, проговорил дед.

Стёпе стало стыдно, а его истерика усилилась. Ведь правда: дедушка же всё это делал для него. Он и без этого легко

мог прожить остаток своей жизни. Дедушка и вправду старался для мальчика.

– Всё ещё уверен, что я это всё для себя делаю? Да больно ты кому нужен был, кроме меня: Антоше и без тебя Людка на башку свалилась! Она та ещё заноза в заднице для него была! А я тебя убереечь от неё пытался! Чтоб у тебя всё хорошо было, как у меня в детстве! – пытался убедить дедушка мальчика.

– Да, ты всё это делал для меня, но ты не прав, дедушка, – говорил сквозь слезы и заики мальчик, – как у тебя, уже никогда не будет. Я был в городе и видел, как все ребята ходят в школу, и Аня тоже ходит, один я – белая ворона. А с Людой я бы жил совсем как обычный нормальный ребёнок! Нормальный, дедушка!

– Я тебя научил всему, что знаю, как тебе не понять? После того как твои и Людины родители разбились в аварии, вы оба нахрен никому не сдались, две пискли! Да мы с Петрови-чем лишь вас раскидали. Тебя, моего единственного внука, я забрал к себе под крыло, а Людку забрал Анатолий Петрови-ч, сын твоей бабушки, но не мой. Да вот только я его уважаю: он помог забрать тебя без лишних бумаг и волокиты с судами. Он говорит, что сам там разобрался. А ещё с продуктами помогает. А теперь ты хочешь, чтоб какая-то выскочка забрала у меня моего наследника? Да никогда! Я 3 года в тебя впахивал и вкладывал труды, неблагодарный! – кричал на плачущего мальчишку старик. – А сейчас бегом умываешь-

ся, расправляешь кровать и ложишься спать. И чтоб забыл, кто она такая, понял?!

Степа с неуверенностью кивает головой и идёт в ванную. Дедушка задернул занавеску своей комнаты, из которой позже свирепо раздалось: «Спокойной ночи».

Стёпа просто ходил по дому и плакал. Он ещё никогда не слышал таких слов от самого родного человека в его жизни. Умываясь в ванной, он плакал. Расправляя кровать, он плакал. Лёжа в кровати, он смотрел на луну и просто рыдал. Спустя 15-ти минутной истерики у него совсем не осталось сил, и он просто отключился.

8 Декабря. Полночь. 1:00.

Стёпу разбудил свет, светящий ему в глаза. Сначала он подумал, что это луна, и спрятался под одеялом, но потом в окошко кто-то постучал. Стёпа сильно испугался и прижался к стене, а потом увидел в окошке Анечку, после чего он быстро оделся и открыл окно:

– Ты чего тут делаешь, дурочка?

– Не дурочка я. Надевай бегом куртку и валенки да выбегай из дома, мы будем тебя ждать там, – ответила Анечка и убежала за дом.

Мальчик быстро оделся, весь растрепанный и сонный выбежал без шапки из дома, хлопнув дверью. В его глаза бил яркий свет фар, а перед ними бежал к Стёпе чёрный высокий силуэт.

– Наконец-то я тебя обняла, солнце, – обняв его, сказала

Люда. На мальчика накатила новая волна слёз: он просто был счастлив, что обнимает её.

Анечка же просто стояла в сторонке за светом фар.

– Подожди секунду, – сказал Стёпа Люде и побежал к Ане: – Спасибо тебе.

Он снова разрыдался. Девочка же крепко-крепко обнимала его и гладила по спине. Понимая, что это их последняя встреча, она разрыдалась вместе с ним. Люда, заметив это, обняла их обоих и сама чуть не разрыдалась, но смогла справиться со своими чувствами.

– Степаш, поехали со мной, нас уже ждёт Дмитрий Григорьевич, – сказала Девушка, ведя мальчика к машине.

Стёпа кивнул и напоследок кинул взгляд в сторону дома. А там на пороге сидел дедушка в своей белой майке и шортах. Мальчик отпустил руку Люды и кинулся к дедушке. Стёпа просто бежал напролом к нему на встречу, деда просто раздвинул руки.

– Прости, дедушка, я очень тебя люблю, но у меня уже нет выбора, – сквозь слезы обнимал Степа дедушку.

– Я всё понимаю, Степаш. И ты меня прости, дурака... Прости и прощай, – пытаюсь не показать своих слёз, произнес дедушка.

Они сидели и просто долго и крепко обнимались.

– Тебе пора, Степаш. Я никогда тебя не забуду, мой мальчик, – сказал дедуля и, взяв за руку мальчика, повёл его к машине: – Пожалуйста, сбереги его, Люд.

– Обязательно, Пётр Семёнович, обязательно! – ответила девушка.

– Стёпа, я буду скучать! Звони мне! У Люды есть номер моей мамы! – разрыдалась Анечка, прижавшись к Стёпе.

– Хорошо, Ань, я тоже буду скучать, – ответил Стёпа.

Рядом стоявший дедушка прижал девочку к себе и кивнул, безмолвно сказав таким образом им ехать. Люда села в машину, а Стёпа ещё раз сбегал и обнял их обоих, а также тихо шепнул: «Спасибо вам, я вас не забуду», после чего убежал в машину. Анечка и дедушка, обнявшись, махали Стёпе в след, как когда-то дед махал Анатолию Петровичу.

На заднем месте рядом с мальчиком сидела кукла, про которую мальчик совсем забыл и оставил в полицейском участке. Он взял её, а за бантиком на спине была прикреплена шоколадка.

– Ешь, ешь, это тебе. Понимаю, тебе грустно. Думаю, сладкое хоть немного успокоит тебя, – сказала Люда.

Стёпа протянул три дольки шоколадки Люде, а также Дмитрию Григорьевичу. Тот сначала отказывался, но мальчик настоял, и он взял. Пока Стёпа раздавал шоколад, у него из кармана выпала открытка. Снаружи был нарисован волк из «Ну, погоди!», а внутри... было 4 приклеенных фотографии: фото Анечки, Стёпы, который жарит блинчики, совместная фотография Стёпы и дедушки с прошлого дня рождения и фото, которое Стёпа никак не думал здесь увидеть, – это фотография Стёпы, где он ещё совсем маленький, ему

там 5 лет, а рядом с ним стоят мама и папа. А в самом углу открытки от руки написано: «Лучшему на свете внуку от Дедушки. С днем рождения, Стёпа».